

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233

Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

Editor-Director
TATIANA X. DE DUBROWSKY

Casiña de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

AÑO XXI

Buenos Aires, Martes 23 de setiembre de 1969 •

Буэнос Айрес, вторник 23 сентября 1969 года № 1022

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

380. ГУСАК НАГРАЖДЕН ИЗ ХОЛОПСТВО. ДУБЧЕК НА ПУТИ БУХАРИНА. — СМЕРТЬ “ДЯДИ ХО”. — НОВОЕ ИНТЕРВЬЮ АНАТОЛИЯ. — ГИНЗБУРГ, ДАНИЭЛЬ, МАРЧЕНКО. — КАТАСТРОФА В АЭРОПОРТЕ ВНУКОВО

Порабощение Чехословакии идет быстрыми шагами: теперь после расправы с манифестантами в годовщину оккупации Брежнев несомненно готовит процесс столь еще популярного Дубчека, которого хотят заставить “выдать своих сообщников”.

27-28-го августа в Банской Быстрице было торжественно отпраздновано 25-летие восстания Словакии против германской оккупации. Насмешкой судьбы явилось это празднование в обстановке новой оккупации в центре прежнего восстания, теперь окруженного советскими танками.

Советскую делегацию возглавлял первый заместитель председателя совета министров СССР и член политбюро К. Т. Мазуров. Его сопровождали председатель президиума Верховного Совета Украины А. П. Ляшко, б. командующий первым украинским фронтом, “освободитель” Праги весной 1945 года маршал И. С. Конев и б. командующий второй воздушной армией тоже же фронта, бомбивший при освобождении Чехословакии маршал авиации С. А. Красовский, зав. отделом ЦК б. министр рыбной промышленности К. В. Русаков и посол СССР в Праге С. В. Червоненко. Обратить внимание на отсутствие кого-либо из триумфаторов и даже всегда приезжавшего главу украинской компартии Шелеста.

Мазуров произнес казенную речь о вечной дружбе между обоими народами и прочел постановление о награждении орденом Ленина Гусака, члена политбюро словацкого партизана Новомесского и посмертно двух подпольщиков Шверма и Шмидтке, погибших в германских тюрьмах. Роздали всего 5 орденов отечественной войны первой степени и 33 второй степени. Я видел по телевизии, как взойшли на трибуну вожди чехословацкой компартии, причем раздались крики приветия: “Дубчек! Дубчек!” Грустно слушал их с горькой улыбкой на краю трибуны Дубчек, понимавший, что это его лебединая песня.

Мелкие шавки выступили с обвинением в том, что он отказом участвовать в совещании Варшавского пакта в Варшаве весной 1968 года вызвал у СССР и его союзников сомнение в верности Чехословакии. Потом было выставлено обвинение в том, что он не осведомлял своих товарищей по политбюро о серьезности создавшегося положения. Затем заговорили о том, что он позволял шельмовать “честных” чекистов эпохи Новотного, которые выполняли свой служебный долг. При этом забыли, что именно он был гордеем восстания против германской оккупации в 1944 году, что это он вел рискованные партизанские операции, при которых погиб его родной брат.

Самую коварную ловушку ему подставил в конце августа наиболее усердный из московских холопов Биляк: намекая на возможность суда над Дубчеком, он заявил на одном партийном собрании, что Дубчек может легко оправдать свое легкомысленное поведение, пусть он теперь выступит с самокритикой и разоблачит тех контрреволюционеров, которые прятались за его спиной. Этим Биляк призывает Дубчека оклеветать своего близкого соратника Черника, который тем возглавлял правительст-

во и продолжает оставаться на этом посту при Гусак. Словом, предлагается всем деятелям “нового курса” 1968 г. признать себя преступниками, которые потворствовали врагам коммунизма, создали предательскую антиленинскую теорию “гуманитарного коммунизма”, скрывали от СССР всякие антисоветские выступления в партийных организациях, а от своей партии скрывали нарастающее недовольство Москвы и вынудили Брежнева и его “союзников” послать войска, чтобы не допустить торжества контрреволюции и... занятия страны германским бундесвером. Все это напоминает нарастание обвинений против Бухарина или Рыкова: тогда тоже началось с обвинений в теоретических разногласиях, а кончилось обвинением в государственной измене и работе в разведках враждебных СССР государств. Вот что грозит в первую очередь Дубчеку, затем Чернику и не исключено, что и самому Гусак, который воображает, что изменой своим прошлогодним единомышленникам заслужил доверие Брежнева, который пока потешил его орденом Ленина.

Газеты сообщают, что в ночь с 20-го

Основная, самая основная идея русской монархии ярче и короче всего выражена А. С. Пушкиным — уже почти перед концом его жизни:

“Должен быть один человек, стоящий выше всего, выше даже закона”.

В этой формулировке “один человек”, Человек с какой-то очень большой буквы, ставится выше за-

кона. Эта формулировка совершенно неприемлема для римско-европейского склада мышления, для которого закон есть все: *dura lex, sed lex*. Русский склад мышления ставит человека, человека, д у ш у выше закона и закону отводит только то место, какое ему и надлежит занимать: место правил уличного движения.

Иван СОЛОНЕВИЧ

на 21-ое августа проходило заседание Президиума ЦК чехословацкой компартии, на котором было выдвинуто требование начать судебные процессы против Дубчека, Смирковского, Кригеля и других бывших руководителей компартии и правительства Чехословакии. Иностранные информативные агентства сообщают, что только благодаря личному вмешательству президента Свободы это требование было отклонено. Свобода заявил, что пока он занимает пост главы государства, в Чехословакии не будут проводиться политические процессы.

Удастся ли президенту Свободы выполнить это обещание—трудно сказать: Чехословакия возвратилась к временам до-дубчековской эры и в условиях возродившейся тирании, в условиях посто-

янного советского контроля, возможно все.

Тяжелое положение СССР с кошмаром вооружающейся Зап. Германии, растущей глухой ненависти всего чехословацкого народа, при открытым неповиновении Румынии и нарастанием конфликта с Пекином при столкновениях то на Уссури и Амуре, то на границах Семипалатинской области заставляют искать поддержки не только Японии, министр иностранных дел которой приглашен в Москву на 4-ое сентября для важных переговоров с Косыгиным, но и послать 2-го сентября А. А. Громыко в Белград. Три дня провел советский дипломат в Югославии, два дня вел переговоры с министром иностранных дел Теповцем, на третий день был принят Тито и пытался убедить собеседников в

Новый приговор Анатолию Марченко

Агентство “Юнайтед Пресс Интернейшнл”, ссылаясь на осведомленные источники, сообщило на днях, что советский гражданин, автор книги “Мои показания” Анатолий Марченко приговорен к двум годам исправительно-трудовых лагерей по обвинению в клевете на советский государственный и общественный строй. Согласно обвинительному заключению, Марченко вел антисоветскую пропаганду среди заключенных исправительно-трудового лагеря, где он отбывает один год наказания за нарушение паспортного режима.

Анатолий Марченко известен тысячам западных читателей как автор нашумевшей книги “Мои показания”, в которых рассказывается о жизни советских политзаключенных в концентрационных лагерях нынешнего времени. Сам Марченко провел в концлагерях и тюрьмах несколько лет, осужденный вначале по ложному обвинению, а затем за попытку нелегального перехода границы. О бесправном положении политзаключенных, о “перевоспитании” их голодом и физическим насилием он и рассказывает в своей книге. Ясно, что книга в Советском Союзе издана не была. Копии ее попали на Запад и несколько месяцев тому назад она стала доступна широкому кругу читателей. Книга вышла из печати уже тогда, когда ее автор снова находился в заключении. Деятельность Марченко в защиту политзаключенных, его протесты и жалобы, направленные в правительственные, партийные и судебные инстанции СССР, не остались незамеченными. Под предлогом нарушения паспортного режима автор книги “Мои показания” был снова арестован и приговорен к одному году исправительно-трудовых лагерей. Не успел закончиться этот срок, как против Марченко было выдвинуто дополнительное обвине-

ние и последовал еще один приговор — два года исправительно-трудовых работ. Судьба Марченко характерный пример того, как поступают в Советском Союзе с людьми, выступающими против режима, даже с теми, которые выступают в рамках советской конституции.

Политические судебные процессы в Советском Союзе, рост числа политзаключенных свидетельствуют об обострении внутрисоветской обстановки в стране. Все больше и больше людей заявляют о том, что у них есть свое собственное мнение, что они не согласны с курсом советского руководства, что пора многое и многое менять. Власть, конечно не прислушивается к их голосу. Но она чувствует шаткость своего положения и поэтому спешно закручивает гайки, укрепляет тиранию. Свидетельством этого является, в частности фактическая реабилитация Сталина.

Книга Анатолия Марченко “Мои показания” вышла недавно на русском языке во Франции, в издательстве “Ла пресс либр” и в лондонском издательстве “Пол-Мол пресс”.

“Анатолий Марченко родился в 1939 году. Сын простого рабочего и сам рабочий, он совсем молодым человеком начал борьбу за свободу и справедливость, что ему стоило шести лет концлагерей строгого режима (с 1960-го по 1966-й год). Тяжелые условия заключения сильно подорвали здоровье Марченко, и он вышел из лагеря полуглухим, больным человеком. Как бывшему заключенному, Марченко запрещалось пребывание в Москве. 29-го июля 1968 года он был снова арестован по обвинению в нарушении паспортного режима и 21-го августа приговорен к одному году заключения в лагерях строгого режима”.

Такова справка об Анатолии Марченко, данная французским издательством “Ла пресс либр”. Издательство пишет, что “Мои показания” — правдивый и бесхитростный рассказ о пережитом в лагерях.

Во вступлении к своей книге Анатолий Марченко говорит:

“Когда я сидел во Владимирской тюрьме, меня не раз охватывало отчаяние... Голод, болезни, а главное бессилие, невозможность бороться со злом доводили до того, что я готов был кинуться на своих тюремщиков с единственной целью, чтобы погибнуть... Меня одно останавливало, одно давало мне силы жить в этом кошмаре: надежда, что я выйду и расскажу всем о том, что сам видел и пережил...”

Мне казалось, что в нашей стране, в условиях жестокой цензуры и контроля КГБ за каждым сказанным словом, это невозможно. Да и бесцельно: до того все задавлены страхом и поработаны тяжелым бытом, что никто не хочет знать правду...

Год назад мой срок кончился. Я вышел на свободу. Я понял, что был неправ, что мои показания нужны моему народу. Люди хотят знать правду. Главная цель моих записок — рассказать правду о сегодняшних лагерях и тюрьмах для политзаключенных, рассказать ее тем, кто хочет слушать. Я убежден, что гласность — единственное действенное средство борьбы с творящимся сегодня злом и беззаконием.

В последние годы появилось в печати несколько художественных и документальных произведений о лагерях... Так что сталинские лагеря разоблачены. Это очень хорошо. Но это и плохо, опасно: невольно возникает впечатление, что все описанное относится только к прош-

необходимости общей политики против империализма, которые угрожают якобы в Европе с вооружениями Германии, и настраивают афро-азиатские страны против СССР. Громыко указывал на единство взглядов Брежнева и Тито в поддержке Хо-Ши-Мина, скончавшегося в разгар этих переговоров в Белграде, в расхождении с Пекином, в поддержке арабов против Израиля, но получил ответ, что Югославия отвергает принцип “ограниченного суверенитета”, выданный Брежневым и позволяющий оккупировать территорию любого своего союзника без предупреждения его правительства, которое потом должно беспрекословно подчиняться любому требованию Москвы и может быть в любой час сменено другим еще более покорным. Визит Громыко таким образом закончился полной и унижительной неудачей.

Косыгин отменил прием уже приехавшего японского министра, ибо поспешил на похороны умершего в возрасте 79 лет Хо-Ши-Мина. Но в Ханое уже его предупредил пекинский премьер Чжоу-Эн-Лай. “Дядя Хо”, как покойного фамильярно называли вьетнамские коммунисты, имитируя советскую моду называть Ленина “Ильичем”, был несомненно самым крупным вождем мирового коммунизма, по своему холодному и жестокому уму, по поразительному организаторскому таланту вождя партии, армии, порабожденного народа после Ленина и Сталина. Я считаю его не только головной выше всяких Брежневых, Косыгиных и Сусловых, но и, самого Мао-Тзе. “Дядя Хо”, избравший Ленина своим идеалом партийного вождя и государственного деятеля, в молодом возрасте пробрался во Францию, где стал образованнейшим марксистом, одним из основателей сперва французской компартии, затем своей вьетнамской, прошел практическую школу Коминтерна в Москве, после чего стал единственным неоспоримым вождем компартии и повел при помощи генерала Джианп долготную борьбу против японской оккупации, затем против французской. Он сумел победить после долгих лет войны французскую армию, а затем вести многолетнюю войну против американцев.

Со сталинской хитростью и беспощадностью он умел почти четверть века воодушевлять одних на войну и беспощадно истреблять других, кто когда-либо

усомнился в конечной победе. Сталинским же методами он строил плотину от наводнений и индустриализировал страну в годы партизанской, потом гражданской войны, быстро восстанавливая произведенные американской авиацией разрушения. При этом он импонирует, как Мао-Тзе, так и Хрущеву и его бездарным последышам. Пекин и Москва ему посылали всякого рода помощь, начиная от продовольствия, продовольствием и боеприпасами всех видов и кончая военными инструкторами и инженерами, летчиками и танкистами. При этом он категорически отказывался от посылки делегаций на всякие антикитайские конференции просоветских компартий, кончая последней “встречей” в Москве в прошлом июне, ибо открыто отвечал Брежневу, что не хочет и не может ссориться с Пекином. Также отвечал он и Мао-Тзе и оба с этим считались.

После его заболевания делегация в Париже, отказывавшаяся от всяких уступок, пока последний американский солдат не покинет Вьетнам, вдруг заявила, что пошла бы на уступки, если бы не 25 тысяч, а сто тысяч американцев покинули Вьетнам. Была ли это его последняя воля, или надо в этом видеть очередную ловушку (увезите сто тысяч, тогда потребуем увоза еще ста тысяч) — трудно сказать. Считаю, что его смерть отзовется на боеспособности вьетконга и возможно, что на севере, как на юге, захотят прекратить компромиссом затянувшуюся войну, как это было в Корее. Едва ли его преемником будет вице-президент 82-летний То Дук Танг. Скорее первый секретарь компартии советофил Ле Дуан или пекинофил командующий армией генерал Джианп. Меньше шансов имеют советофил премьер-министр Пам Ван Донг или расположенный к Пекину идеолог партии Труонг Чинг. Возможен какой-то триумфизм из этих фигур.

30-го августа вечером мне довелось слушать по телевизии интервью Анатоля (будем его называть, как он сам желает). Сам Анатолий производит впечатление человека, очень нервного, курит одну папиросу за другой. Руками играет с папиросницей, постоянно меняет позу в кресле. Не буду приводить его обычных и уже появившихся в “Нашей Стране” заявлений и насмешек над Борисом Полевым, который, спасая свое положение,

сделал широко известным подсоветским читателям его бегство из “советского рая”. Анатолю с негодованием отверг обвинение Полевого в том, что оставил в Туле беременную от него девушку. Надо сказать, что он отвечал на вопросы по-русски и я хорошо слышал его ответы, которые затем переводились.

На вопрос: почему он бежал за границу, а не остался бороться против советского режима, как это делали, поплачивавшие за это свободой, Синявский, Даниэль, Гинзбург и Галансков, и продолжают делать по мере возможности Солженицын, Аксенов и другие, Анатолий ответил, что все они продолжают верить в советский режим, в теоретическую правильность коммунистического строя и, как христианские мученики, идут сознательно в тюрьмы и концлагеря для “исправления” недостатков этого режима: они все хотят сохранить какой-то улучшенный советский режим, разрешающий писателям печатать без цензуры свои произведения, как они сами говорят, обвиняя своих цензоров и судей в нарушении сталинской конституции: это значит, что им всем эта конституция кажется приемлемой, но правительство и партия виноваты сами в ее нарушении. Анатолий же объявляет себя врагом всей лживой коммунистической доктрины, которая не может по своей природе создать какой-то справедливый и благодетельный режим, а не борется за его исправление.

Здесь в свободном мире он сможет напечатать гораздо более резкие антисоветские произведения, чем все издаваемые Самиздата в России и убежден, что они, написанные им на русском языке, будут проникать на родину столь же успешно, как проникают заграничные издания Пастернака, Солженицына и других авторов. Их открыто антисоветский характер нанесет более верный удар режиму, чем призывы к соблюдению сталинской конституции.

Слушая его слова, я понял, что это гораздо более непримиримый враг коммунизма, чем все самиздатовские писатели, и невольно вспомнил слова убежденного монархиста генерала Петра Николаевича Краснова, сказанные мне в объяснение его разногласий с генералами РОА: “Согласен, что они все против Сталина, но одни из них за Бухарина, другие за Ленина, а для меня, как и для Вас, и Керенский во главе России не-

приемлем”. Так и говорит Анатолий: всякий коммунизм и всяких его вождей он отвергает без единого исключения.

На вопрос: не боится ли он за свою семью, Анатолий ответил: “Мать моя так стара, что не предвижу, чтоб ее репрессировали. С женой я развелся, а потому она давно мне чужда. Девятилетний сын остался у жены, которая воспитывает его во вражде к отцу. Впрочем допускаю, что жизнь ему будет нелегкой”.

Развод Кузнецова с женой отчасти объясняет, почему покинуть Россию ему было душевно легче, чем Пастернаку, который, имея близких, боялся быть высланным и умереть вдали от них.

В судьбе заключенных оппозиционеров партийного режима произошли следующие перемены: в Потьминском концлагере Мордовии Александр Гинзбург объявил голодовку, требуя позволения жениться на единомышленнице Жолтовской, которая была его невестой в момент ареста. При этом он ссылался на то, что царское правительство позволило Ленину в период нахождения в Доме Предварительного Заключения свидания с его невестой Н. К. Крупской, а Гинзбургу отказывали в свиданиях в тюрьме и теперь в концлагере с Жолтовской на том основании, что их отношения не оформлены юридически. Тогда он потребовал, чтобы им разрешили жениться. (Он мог бы прибавить, что в 1900 г. равнин совершил в Бутырской тюрьме брак между приговоренными к 4 годам ссылки Львом Бронштейном (Троцким) и Александрой Львовной Соколовской, но думаю, что от этого воздержался). На ответ, что кодекс не разрешает в СССР заключенным вступать в брак, большая группа заключенных по предложению Даниэля присоединилась к голодовке Гинзбурга. Об этом говорили в Москве и Гинзбургу разрешили не только жениться на Жолтовской, но и провести с ней трое суток в отдельной комнате дома свиданий заключенных с родственниками. После этого Жолтовская уехала, но теперь в качестве жены будет иметь право на дальнейшие свидания. Пострадал лишь Даниэль, которого обвинили в организации коллективной голодовки и перевели за это из общего концлагеря в отвратительный Владимирский Централ с исключительно тяжелым режимом. Теперь он отделен от единомышленников, которые морально друг друга всегда под-

лему, что сейчас ничего подобного нет и не может быть... Неправда!.. Сколько забытых и сейчас в лагерях, сколько новых поступает, и сколько тех, кто сажал, допрашивал, мучил, и сейчас занимают свои посты или мирно живут на заслуженной пенсии, не понеся никакой, даже моральной ответственности за свои дела!”

“Мои показания” Анатолий Марченко начинает со своей биографии. Вся книга его разбита на ряд глав, первая называется “Начало”

Автор “Моих показаний” — сын железнодорожного машиниста и уборщицы, Марченко пишет:

“Я, проучившись 8 лет, бросил школу и уехал по комсомольской путевке на строительство новосибирской ГЭС. С этого началась моя самостоятельная жизнь”.

Затем Марченко попал под суд. Его арестовали, судили и отправили в Карагандинские лагеря по обвинению в драке, в которой он участвовал. “Судили, — пишет Марченко, — всех в один день, не разбираясь, кто прав, кто виноват”.

Дальше Марченко пишет, что обстоятельства его жизни сложились так, что он, вместе со своим приятелем Анатолием Будровским, решил бежать за границу. Пограничники задержали обоих в сорока метрах от границы. За измену родине беглецов судили закрытым судом. Марченко виновным себя не признал; все же он был приговорен к шести годам заключения в лагерях.

Затем идет глава “Этапы”, дальше — краткие главы — “Буров”, “Рассказ Ричардаса”, “Подкоп”, “Шизо” (карцер), “Последняя попытка”, глава “На спелу”; после этого идет повествование “Владимирка”, разбитая на ряд глав. Из Владимирской тюрьмы, откуда его отправили за подкоп с целью побега из лагеря, Марченко снова отправили в лагерь. Затем следует ряд глав о постсталинских лагерных порядках.

Когда Марченко отбыл свой срок, его повели к выходу: “Меня сопровождал майор, начальник спецчасти. Мы прош-

ли несколько дверей, у каждой майор предвещал в окошко какие-то бумаги, дверь открывалась и тотчас же закрывалась за нами. Открывалась и хлопнула за мной последняя дверь, и я вышел на улицу.

Мимо вахты, по дороге между жилой и рабочей зоной, мимо праздничных плакатов и лозунгов, гнали колонну женщин-заключенных. Слышны были грубые окрики автоматчиков-конвоиров: “Разговоры! Кому сказано!” Женщины шли медленно, волоча ноги в больших кирзовых ботинках. Темно-серые телогрейки, ватные брюки, серо-желтые лица... Колонна прошла. Я вдохнул полные легкие свежего воздуха, хоть мордовского, но уже бесконечного, вольного, и пошел от вахты”.

Книга Марченко — страшная книга. И одна из самых страшных глав называется “Шизо” — штрафной изолятор. Марченко пишет:

“Я простудился еще в Карагандинских лагерях, а медицинской помощи там не было... В этот раз тоже разболелся уши. Голова раскалывается, в ушах стреляет, ночью трудно уснуть, за обедом больно рот раскрыть. К тому же мучит, и кружится голова.

Я обращался к врачу несколько раз, и каждый раз слышал только оскорбительные утверждения, что раз у меня нет температуры, значит я здоров и просто отлыниваю от работы. А в конце июня за невыполнение нормы меня посадили на семь суток в шизо-штрафной изолятор, иначе карцер... Карцер находился в зоне особого режима... На окне толстая решетка, в двери глазок. В углу неизменная спутница заключенного — параша... Кружка кипятка и пайка хлеба — 450 граммов на весь день. В обед дадут миску постных щей — почти одна вода, в которой выварена водяная капуста, да и той в миске почти нет. Наверное, и скотина не стала бы их есть... А зэк в карцере выпьет их через край, еще и миску корочкой оботрет... На ужин — кусочек отваренной

трески со спичечный коробок, скользкой и несвежей. Ни грамма сахара, ни грамма жиру в карцере не полагается.

Жутко вспомнить, до чего доходит в карцере человек из-за голода. Выхода в зону ждешь больше, чем конца срока. Даже общая лагерная полуголодная норма кажется в карцере небывалым пиром... В карцере срок ограничен — не более пятнадцати суток. Но это правило начальник может легко обойти. Вечером выпустят в зону, а на другой день снова посадят, еще на пятнадцать суток. За что? Всегда найдется за что... В Каргале меня однажды продержали в карцере 48 дней, выпускала только для того, чтобы зачитать новое постановление о “водворении в штрафной изолятор”.

После смерти Сталина заключенные все же несколько осмелели. Об этом свидетельствуют описанные Марченко голодовки и попытки побега из лагерей; они, правда, и сейчас не часты, но их больше, чем при Сталине. В книге “Мои показания” Анатолий Марченко пишет: “Одна камера в карцере обычно заполнена голодающими. Решил зэк в знак протеста объявить голодовку, написал заявление (начальнику лагеря, в ЦК, Хрущеву, все равно кому, это не имеет никакого значения, а просто без заявления голодовка “не считается”) — хоть подохни не евши и перестал принимать пищу... Мало кто в состоянии держать долго голодовку, добываясь своего (однако я знаю несколько случаев, когда заключенные голодали 2-3 месяца). Главное же, это все равно бесполезно. На заявление о голодовке в любую инстанцию ответ такой же, как на прочие жалобы. Только что к голодающему начальник сам придет в камеру, поскольку ослабевший зэк идти не может:

— Ваш протест не обоснован. Снимайте голодовку, умереть вам все равно не дадим: смерть избавляет от наказания, а ваш срок еще не кончился. Вот выйдете на волю — пожалуйста, умирайте. Вы

жалуетесь на нас в вышестоящие органы! Пишите — это ваше право. Разбирать вашу жалобу все равно будем мы...”

Вот как описывает Марченко раскрытие чекистами подкопа, за активное участие в котором автора книги “Мои показания” перевели во Владимирку — во Владимирскую изоляционную тюрьму.

“В крольчатник вбежали надзиратели. У каждого в руках заостренный березовый кол, зажженный фонарь. — Окружить и ни одного не выпустить! — услышал я голос майора Агеева, руководящего охотой. Надзиратели стали тыкать колыями под клетки. Первым обнаружили Озерова.

— Вылезай! — командовали ему.

Но когда он пытался выползти, его стали так подбадривать колыями, что он забился еще глубже. Все-таки его выгнали из-под клетки, и я видел и слышал, как несколько надзирателей стали молотить его сапогами и колотить колыями. Остальные тем временем продолжали поиски. Будова и меня нашли почти одновременно — мы оказались под соседними клетками. С нами сделали то же, что с Озеровым. Не знаю, долго ли продолжалось избивание. На шум и крики бежали заключенные, столпились по ту сторону запретки в жилой зоне. Их пытались разогнать, но они не расходились, из толпы раздавались крики:

— Убийцы, палачи!..

Часовые с вышек дали несколько автоматных очередей над головами эзков — это не помогло. Майор Агеев подбежал к проволоке:

— Что, сроки маленькие? Добавим! Места в тюрьме и в БУРе хватит, расходитесь!

Но толпа не расходилась. Тогда нас троих подняли и погнали от запретки на вахте в рабочей зоне. Гнали, избивая колыями. Сзади подгоняли острыми ми...”

Книга Марченко “Мои показания” вызывает к чувству протеста в свободном человеке. ●

держивают. Его жена Ларисса надорвалась, таская тяжелые доски на деревообделочном комбинате в Чуне Иркутской области, после чего работает такелажницей.

Вообще заключенных однодельцев и друзей разбрасывают по разным концлагерям: Вадим Делюте похоронен в лагере в Тюмени, а Владимир Дремлюга в Мурманске. Суд над Анатолием Марченко, отбывающим концлагерь на Урале за “нарушение паспортного устава”, вызвавшее в приезде в Москву из Александрова, где был прописан после 6 лет тюремного заключения, состоялся в Перми. На этот раз он приговорен еще к двум годам заключения за “антисоветскую деятельность”, т. е. за передачу в Москве для отсылки за границу своих воспоминаний о шести годах, проведенных в концлагере. Ввиду того, что Пермский приговор означает для неукротимого Анатолия Марченко третью политическую судимость, имеются основания опасаться, как я уже писал, что он будет направлен для отбывания нового срока заключения в пресловутые невые “особые” концлагери или по-новому “колонию”, опасные для здоровья и даже жизни молодого и бесстрашного врага советского режима, вышедшего в отличие от других своих единомышленников из рабочей среды, а не из среды выросшей в советское время интеллигенции, как Синявский, Даниэль, Гинзбург, Аксенов и другие.

Если мы согласимся с утверждением А. Анатолия, что все они сочувствуют в принципе коммунистической доктрине и только борются против нарушений верховенства партии и правительства сталинской конституции 1936 года, донные еще не замененной новой, проект которой якобы разрабатывается свыше десяти лет, то я все же считаю, что они подкапываются под самый режим; как несомненные в теории монархисты, как Гучков и Родзянко своим поведением, всеми своими поступками привели к свержению монархического строя, который думали сохранить. Все эти оппозиционеры роют яму советскому режиму.

26-го августа со всех сторон Москвы неслись к Внуковскому аэропорту пожарные машины, а затем помчались автомашины Скорой помощи. Прилегающие улицы были закрыты не только для автотранспорта, но и для пешеходов.

Иностранные журналисты, допущенные на другой день в аэропорт с возобновившимся автотранспортом, стали расспрашивать пассажиров, которые им поведали, что накануне вечером прилетевший из Сочи большой пассажирский самолет ИЛ-18 не смог совершить посадку, ибо оказались испорченными колеса, на которые самолет опускается, пробега последние сотни метров или большее расстояние до полной остановки.

Самолет совершил несколько кругов над аэропортом, но не смог нормально приземлиться для обычного пробега по площадке. Наконец он опустился на землю “животом”, причем быстро начался пожар. Подали лестницы и все пассажиры стали спускаться из главного и запасных выходов. Пожар разгорелся и многие стали прямо прыгать на землю, ломая себе руки и ноги. Пожарные машины окружили самолет и пытались тщательно потушить пожар. “Жуткое зрелище”, говорили очевидцы и благополучно спасшиеся пассажиры.

Два дня молчала московская печать, хотя слухи о катастрофе быстро распространились по городу. Ожидавшие возвращавшихся из Сочи после летнего отпуска родные осадили аэропорт и Управление Аэрофлота в поисках точных сведений о судьбе своих близких.

Но только 29-го августа “Правда” опубликовала на самом конце последней страницы следующее официальное сообщение:

“26-го августа с. г. в 20 часов 30 минут при посадке на аэропорте Внуково птерпел катастрофу самолет ИЛ-18 гражданской авиации. На борту самолета было 102 человека. Принятыми мерами большинство пассажиров спасено. Погибло 16 человек. Причины катастрофы расследуются”.

Это краткое сообщение озаглавлено: “В министерстве гражданской авиации СССР”. Смешит детская наивность: думают в редакции, что большой процент читателей читает первую, ну скажем, вторую и третью страницу и ленится

† АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ АНДРЕЕВ

1-го сентября с. г. при переезде жел. дор. пути в гор. Парагвари, налетевшим поездом был убит на месте парагвайской службы полковник А. Н. Андреев.

Полковник Андреев портупей-юнкером Движения, окончил портупей-юнкером Сергиевское Арт. Училище и с 1936 года проживал в Парагвае. Вступив в армию он достиг чина полковника и занимал крупный пост в гарнизоне гор. Парагвари. Его исключительная корректность, воспитание и доброжелательность вызвали к нему глубокое уважение и симпатию не только Русской колонии в Асунсьоне, но и парагвайских военных кругов.

На его отпевание в Русском храме прибыл Президент Парагвайской Республики ген. А. Штросснер, который вместе с высшими военными гражданами властями вынес его гроб из церкви. Кроме того г. Президент сопровождал его останки до Южного русского кладбища, на котором при отдании воинских почестей и был похоронен полк. Андреев.

ВИКТОР ЯНИШЕВСКИЙ Abogado y Ex-Juez de Tribunal de Yugoslavia TRADUCTOR PUBLICO Б Ю Р О

Присяжных Переводчиков
М. Д. ГОЧЕВАР
Переводы на русский и все остальные языки. Документы из Советского Союза и остальных стран Света, для получения гражданства, пенсии, паспортов, Cedula de Identidad, исправление имен и пр. Вызов родственников из Советского Союза и поездки в Советский Союз
LAVALLE 1570, p. 4
Т. Е. 46-5238 y 5529 - Buenos Aires

З У Б Н О Й В Р А Ч
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontología
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
(говорит по-русски)
Специальное лечение корней зубов.
Бор-машина Ultrasonico.
Искусственные зубы.
Рентгеновские снимки.
Прием ежедневно от 14 до 20 час.
Corrientes 2885, P. 2, Pto 22, Capital
Т. Е. 88 - 3605
Corrientes 2885, P. 2, Pto 22, Capital
Pueyrredón по линии Federico Lacroze).

К ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Редакция напоминает г. г. Подписчикам, что денежные переводы должны делаться исключительно на следующее ПОЛНОЕ имя:

**TATIANA KIREW DE
DUBANSKY**

Редакция наталкивается на крупные затруднения, а иногда и просто на невозможность разменять в банке чек или моней-ордер, когда имя и фамилия Редактора не написаны ТОЧНО и ПОЛНОСТЬЮ.

читать конец шестой страницы. Затем такое заглавие малограмотного не интересует и, авось, он не прочтет текста. Ни слова о количестве раненых и обгоревших, которых, по свидетельству носильщиков, развозили в автомашинах Скорой Помощи, при чем часть из них могла умереть в пути. Но возмутительнее всего, что не даны фамилии погибших, что могло известить о трагической кончине их провинциальных родных. Ведь на самолете летают на самый модный курорт или сравнительно высокие сановники или ученые, артисты, известные писатели, словом элита “второго разряда”, ибо правящая верхушка летит на особые самолетах, находящихся в распоряжении ЦК. Видимо, никого из крупных фигур нет среди погибших, ибо иначе прочли бы в советских газетах их некрологи. Все же такое сообщение задержали на два дня и поместили только, когда убедились, что по крайней мере от москвичей катастрофу не удалось скрыть и о ней пишет иностранная печать.

Алексей Ростов

† Общество Друзей Русского Театра с глубоким прискорбием извещает, что 16-го сентября с. г. в 5 часов утра скоростно скончался в возрасте 37 лет член Общества

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ФИЛИЧЕВ

Все члены Общества скорбят о преждевременной кончине своего друга Юрия, неоднократно участвовавшего в спектаклях Общества, и выражают свое искреннее и глубокое соболезнование семье покойного.

Мир праху твоему, дорогой друг!

† 1-го сентября с. г. в гор. Парагвари (Парагвай) в автомобильной катастрофе трагически погиб участник Белого движения, галлиполиец и действительной парагвайской службы

ПОЛКОВНИК

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ АНДРЕЕВ,

о чем сообщает убитая горем семья покойного.

• ТАТАРЫ И МЕСХИ

Политические судебные процессы, превращаемые в формальное средство расправы с отдельными людьми и целыми народами, вновь становятся будничным, повседневым явлением советской действительности. Продолжается в Ташкенте комедия судебного разбирательства по делу десяти представителей крымско-татарского народа, обвиняемых в клевете на советский строй. Процесс протухает при закрытых дверях, однако уже стало известно, что государственный обвинитель потребовал для каждого из обвиняемых мужчин по три года тюремного заключения, но проявил “галантность” по отношению к сидящим на скамье подсудимых женщинам, удовлетворившись “всего лишь” требованием о лишении свободы на два года.

Преследование крымско-татарского народа, западная печать квалифицирует, как планомерный геноцид. Но это не единственный пример того, как пресловутая “дружба народов” в действительности оборачивается циничным издевательством над всеми народами, населяющими бывшую Российскую Империю и пронизана тенденциями взаимного натравливания отдельных национальных групп. На Запад недавно попали документы, раскрывающие трагическую судьбу двухсоттысячного народа месхов, депортированных в 1944 году с Северного Кавказа в Среднюю Азию и столь же тщетно, как и крымские татары пытавшихся все эти годы обрести утраченную родину.

• БОЛЕЗНЬ СЕНЬОРА ФИГЕРАС

Французский журнал “Пари-Матч” от 21 июня приводит недавнюю любопытную беседу между Жоржем Помпиду и художником Сальвадором Дали, с которым он знаком.

Тема их беседы — о неудачных попытках большевиков наладить сельское хозяйство.

Бывший премьер-министр — теперь президент Республики — рассказал художнику, как Советские все для этого перепробовали: сначала они национализировали всю землю, придумали 1-ю пятилетку, затем вторую и третью; они уничтожили кулаков, преследовали крестьян, сопротивлявшихся им; создали кооперативы, совхозы, колхозы. Но все их усилия были тщетны: сбор урожая на когда-то богатой Украине продолжал быть неудовлетворительным.

Тогда Сальвадор Дали рассказал своему собеседнику следующую историю.

Когда-то в Испании проживал некий сеньор Фигерас. Этот несчастный страдал очень неприятным “пороком”: ноги его дурно пахли и настолько сильно, что все, подходившие к нему, отворачивались от него. Чтобы избавиться от этой “болезни” он перепробовал все средства: сначала он перестал есть мясо, потом отказался от рыбы, стал вегетарианцем; потом стал питаться лишь сырыми овощами, затем бросил этот режим —пил одну воду, глотал клю-ти. Но ничего не помогло: ноги продолжали дурно пахнуть. Тогда кля-ти. Спросил его: “а сколько раз в день вы моете ноги?” На что тот ответил: “Этого-то как раз я и не делал никогда!”

И Дали заключил свой рассказ словами:

“Советники тоже все перепробовали. Одного лишь они не догадались сделать — оставить крестьян в покое!”

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — 63

Печатается без ведома и согласия автора.

РАКОВЫЙ КОРПУС

Весь путь до Москвы Вадим слаживал эту фразу. Его представили Черногородцеву в перерыве, на пороге буфета. Вадим выстрелил своей фразой, и Черногородцев повернул от буфета, взял его повыше локтя и повел. Сложность этого пятиминутного разговора — Вадиму он казался накаленным — была в том, что требовалось стремительно говорить, без пропуска впитывать ответы, достаточно блеснуть своей эрудицией, но не высказывать всего до конца, главный задел оставить себе. Черногородцев сразу ему насыпал все возражения, из которых ясно было, почему радионезактивные воды признак косвенный, но не могут быть основным, и искать по ним руды — дело пустое. Он так говорил — не кажется охотно бы дал себя разувенить, он минуту ждал этого от Вадима и, не дождавшись, отпустил. И еще Вадим понял, что, кажется, и целый московский институт топчется около того, над чем он один ковырялся в камешках Алтайских гор.

Лучшего пока нельзя было и ждать! Теперь-то и надо было навалиться на работу! Но теперь-то и надо было ложиться в клинику... И открыться маме. Он мог бы ехать и в Новочеркасск, но здесь ему понравилось и к своим горам поближе.

В Москве он узнавал не только о водах и рудах. Еще он узнал, что от меланобластомы умирают — всегда. Что с нею редко живут год, а чаще — всего несколько месяцев.

Что ж, как у тела, несущегося с предсветовой скоростью, его в р е м я и

А. Макриди

“УЗКОЕ”

Лоси и интеллигенция нарождаются медленно, а истребить их ничего не стоит. Вкусных лосей советская власть истребляла любя, а интеллигенцию объявила “прогнившей” и истребляла злобно.

Лоси и интеллигенция быстро вымирали. Спыхавшись, кремлевские гурманы на лосей охоту запретили. На интеллигенцию — продолжали, но и тут, вынужденные еще питаться услугами “прогнившей”, скрепя сердце, некоторую часть ее терпели и, до поры до времени, — щадили.

В эсесесерей бестолочи на каждом шагу приходилось сталкиваться с парадоксами, анекдотическими иди трагическими, но всегда неожиданными. Один из них состоял в том, что заповедник любимых лосей и нелюбимой интеллигенции под Москвой оказался общим. То ли запрет опоздал, то ли охотники не послушались, но лосей в тех местах никто больше не приметил. Зато интеллигенция, настоящая чеховская интеллигенция, попадалась на глаза довольно часто. Обитала она посменно в “Узком” — поместьи князей Трубецких, в их чудесном старом доме.

Революция как-то удачно перешагнула через поместье, не задев его нимало; все уцелело там, и старинная мебель, и комната, где умер Владимир Соловьев (в ней устроили библиотеку-читальню), и богатырские липы в парке с каскадными прудами, и даже замечательная церквушка с родовым княжеским склепом. Внешне ничто не изменилось, только въездные — “Небесные” — ворота, венчающие на пригорке верстовую аллею, украсились вывеской: “Санаторий ЦЕКУБУ Узкое”.

Слово ЦЕКУБУ родилось не в Конго, а на берегах Москва-реки и означало Центральную Комиссию по Улучшению Быта Ученых... Лет через десять только, власти спохватились и переименовали ЦЕКУБУ в КСУ — Комиссию Содействия Ученым. Все-таки приличнее, не так откровенно...

Комиссия содействовала ученым под председательством бывшего “наркомздрова” Семашко. Содействовала плохо, в чем упрекать ее грех; сама она, с председателем во главе, что называется, на ладан дышала, до содействия ли тут! Терпят, и то слава Богу...

Наиболее заметным видом содействия было распределение платных путевок в дома отдыха — на Кавказ, в Крым и под Москву в “Узкое”. На юг устремлялась по преимуществу молодежь. В “Узком” преобладали уютные, лавровишневые каплями пахнувшие старцы. Но и тут они охотно уступали главенствующее положение молодым. Впрочем, “молодой” звучало в “Узком” не менее условно, чем в эмиграции.

— Не знаете ли, кто тот молодой человек? — спрашивает меня однажды почтенный профессор, указывая на плешивого субъекта с седыми усами.

— Кто ж я тогда, по-вашему? (Мне было двадцать пять лет)*).

— А вы, драгоценный, так сказать, еще в эмбриональном состоянии, — объяснил профессор.

Вот, таким эмбрионом я и попал впервые в “Узкое”, продолжавшее оставаться непохожим на обычные советские дома отдыха, хоть немного и опоздал; совсем еще недавно здесь властвовала чета Чересовых, муж только числился директором, а фактически была жена. Эти российские бары, с благословения Семашки, принесли с собой в советский дом отдыха слобные традиции дореволюционного гостеприимства и разыгрывали роль хлебосольных помещиков.

*) Автор родился в Москве в 1902 году. Учился в 1-ом Московском Кадетском корпусе, воевал в рядах одного из партизанских отрядов полк. Семилетова, потом — в Добровольческой армии. После демобилизации по инвалидности, вернулся тайно в советскую Россию за матерью, чтобы с нею пробраться в Финляндию. Это не удалось и 23 года прожил под советской властью неопознанным. Работал художником. Во время войны попал к немцам и после этого на Запад.

Официальные отношения между отдыхающими и администрацией с первых шагов исчерпывались несложной процедурой вручения путевки дежурной сестре. А дальше каждый чувствовал себя в старинном поместьи желанным гостем предупредительных и радужных чудаков, чутко отзывавшихся на капризы ученых постояльцев. Последние отвечали соблюдением этикета, установившегося в антисоветских домах: раньше хозяйки из-за стола не вставали, а встав благодарили. Перед сном прощались с хозяевами, и даже желали им спокойно ночи. Здесь не было принято аукать на весь дом, бросать окурки в цветочные горшки и прятать головы под кровать. Словом, в этой трясины буржуазных пережитков, любой истинно передовой представитель советской общественности просто задохнулся бы от омерзения.

Истинно передовые поэты в “Узкое” и не ездили, вплоть до знаменитого “процесса промпартии”, на котором, между прочим, и совсем нестати, выяснилось, что главный обвиняемый — профессор Рамзин — иногда наведывался и в “Узкое”. Своеобразие коммунистического понимания ответственности не замедлило после этого отразиться на карьере Чересовых: их поторопились уволить со службы.

Им на смену явился неслышимый коммунист в черных галифе и с седеющим ежиком над низким лбом. Он оказался немногословным, но все его распоряжения и рассуждения, проникнутые духом подлинного марксизма-ленинизма, отличались политической принципиальностью и партийным весом. С первых же дней новый директор ввел систему приказов. Приказ № 1, между прочим, гласил: “Мною замечено, что вопреки партии и правительству, некоторые отдыхающие позволяют себе фокстрот. Предупреждаю, что впредь буду реагировать, вплоть до досрочного удаления из санатория”.

Однако, директору пришлось реагировать не только на фокстрот, но и на все традиции чуждой и противной его измученной душе среды. Директор мрачнел и худел от революционных переживаний. Положение его осложнялось тем, что “Узкое” оказалось прибежищем не только пугливых жрецов науки, но и развенчанных партийцев из числа “ленинской гвардии”. Не пользуясь благоволением “хозяина”, они, в то же время, продолжали считаться представителями кремлевских сфер, но в санаторий вносили интеллигентско-либеральный душок и являлись с беспартийными, что в глазах директора было, конечно, явлением антипартийным. В известной степени, так оно и было.

Помню, как играя на бильярде с Мещеряковым, старым большевиком — усатым, бороатым, в старомодном пенсне, со старосветским брюшком и домовитым рококошущим баском, — я предложил ему заложить под пирамидку хоть четвертак, для ~~ничего~~ азарта. Мы были одни. Мещеряков огляделся и тихо сказал:

— Знаете, я все-таки член партии. Еще заметят, ну их к чорту!.. — и так выразительно махнул рукой, что сомнений в разочаровании этим “все-таки” не было никаких.

Как-то в “мертвый час”, в нашей с художником К. комнате собралось несколько нарушителей порядка, чтобы сыграть в покер. В компании участвовал Гейтц — партийный, или, как его официально называли, — “красный” директор Московского Художественного театра. Это был статный, красивый, хорошо одетый и воспитанный партиец, как и подобало воспитаннику петербургского Императорского Лицея.

В самый разгар игры, дежурная постучала в дверь. Гейтца вызывали по телефону из Москвы. Гейтц удивился: “Откуда дежурная знает, что я у вас?”. Вернувшись, рассказал о разговоре с Немировичем-Данченко. Тот справлялся — как здоровье директора театра. Узнав, что все хорошо, сказал “слава Богу, слава Богу!”, но вспомнив, что разговаривает с **красным** директором, заспешил поправиться: “а впрочем, Бога ведь нет...”

Что же до осведомленности дежурной, то все объяснилось очень просто: у дверей стоял и подслушивал директор санатория; подслушивал демонстративно, даже позы не переменив, когда мимо него прошли. Позже выяснилось, что неслышимый коммунист ежедневно строчил в Москву обстоятельные

доносы по партийной линии, но превозмочь партийных и беспартийных “недорезанных” не сумел, и был смещен.

Прислали другого коммуниста, занимавшего перед тем крупный пост, но в чем-то провинившегося и сниженного. Этот махнул на все рукой, отменил приказы своего предшественника и отдался целиком воспитанию мопса. Подошла пора рубить щенку хвост и директор решил воспользоваться преимуществом новой должности: он обратился за помощью к хирургу с европейским именем.

М. М. Дидрихс — большой квадратный мужчина с седыми усами, весельчак и балагур — выслушал просьбу без улыбки и согласие дал, только потребовал два белых накрахмаленных халата. Оперировал Дидрихс щенка с ассистентом — выдающимся врачом, ведущим научным работником Института мозга — А. А. Арентом*).

Утром в столовой оба осведомились у подошедшего директора, как чувствует себя их пациент.

— В общем не плохо! — ответил директор. — Ночью забился под диван и долго урчал, а под утро вылез и попросил есть.

Сидевшая напротив писательница Щепкина-Куперник побледнела и оставив нетронутым завтрак, пошла укладывать чемодан.

— Здесь же не сумасшедший дом! — корил ее позже директор.

— Я не знаю, да ведь в наше время — чего не бывает! — смущенно оправдывалась писательница.

Она была права. Вскоре пришлось услышать разговор двух на редкость разных собеседников. Один из них, маленький, взъерошенный и суевликий человек развалился в углу дивана, закинул ногу чуть не за шею и мечтательно дыма злокачественной сигарой, сказал другому:

— Какие наступили удивительные времена, коллеги! Я красный ученый, а вы белый, и ничего! А?

Не будучи никаким, я все же догадался, что притканный брюнетик сочинил бестактную двусмысленность, вдохновившись ослепительной седной академиком Северцева: только костюм, да золотые очки мешали принять его за библейского пророка. Ссутулясь, сложив огромные ладони меж колен, “белый” ученый молча разглядывал ковер. А “красный” не унимался, решив во что бы то ни стало обратить на себя внимание, в чем и преуспел после восклицания:

— Неизвестно же до сих пор, для чего у человека печень!

Северцева, наконец, проняло. Он покосился на “коллегу” и устало проворчал:

— Это только вам, голубчик, неизвестно...

После процесса “промпартии” преследование инженеров и ученых усилилось. Состав отдыхающих в “Узком” стал заметно меняться. Взаимная благожелательность, и даже вежливость, понемногу теряли почву. В затхлый быт санатория влилась свежая струя; начались самостоятельные вечера с пародиями на старых профессоров и полуграмотными, но политически выдержанными частушками. В палатах загремели революционные песни, появилась “стенгазета”...

Старая интеллигенция и тут стала вытесняться новой — советской, по духу противоположной, но внешне старавшейся подражать своей предшественнице, причем не всегда безуспешно, почему такое мошенничество, в иных случаях, распознавалось не тотчас. Жертвой его в “Узком” пал было к ногам жены советского дипломата мой приятель. Перекисьводородная блондинка с формами, во всех отношениях выдающимися, загранично одетая, французскими духами благоухающая, привлекла внимание не только моего приятеля, в силу чего приглашение прогуляться после обеда он принял безоговорочно, несмотря на отвращение к пешим прогулкам; приятель был убежденным лыжником, но слишком молодым, чтобы какому бы то ни было убеждению по-

*) В начале последней войны, М. М. Дидрихс, за свое немецкое происхождение, был назначен к ссылке, но ожидая посадки в “телячий” вагон и сидя на чемодане, умер от разрыва сердца.

его масса становились теперь не такими, как у других людей; время — емче, масса — провневней. Годы вбирались для него в недели, дни — в минуты. Он в свою жизнь спешил, но только сейчас он начинал спешить по-настоящему! Прожив шестьдесят лет спокойной жизни — и дурак станет доктором наук. А вот — к двадцати семи?

Двадцать семь это был лермонтовский возраст. Лермонтову тоже не хотелось умирать (Вадим знал за собой, что немножко похож на Лермонтова: такой же невысокий, смеляной, стройный, легкий, с маленькими руками, только без усов). Однако, он врезал себя в нашу память — и не на сто лет, навсегда.

Перед смертью, перед полосатой пантерой смерти, уже прилегшей рядом, на одну койку с ним, Вадим, как человек интеллекта, должен был найти формулу — как жить с ней по соседству? Как плодотворно прожить вот эти оставшиеся месяцы, если — только месяцы? Смерть, как внезапный и новый фактор своей жизни он должен был проанализировать. И, сделав анализ, заметил, что, кажется, уже начинает привыкать к ней, а то даже и усваивать.

Самая ложная линия рассуждения была бы — исходить из того, что он теряет: как мог бы он быть счастлив, и где побывать, и что сделать, если бы жил долго. А верно было признать статистику: что кому-то надо же умирать и моголым. Зато умерший молодым остается в памяти навсегда молодым. Зато вспыхнувший перед смертью остается сиять вечно. Тут была важная, на первый взгляд парадоксальная черта, которую разглядел Вадим в размышлениях последних недель: что таланту легче понять и принять смерть, чем бездарности. А ведь талант теряет в смерти гораздо больше, чем бездарность! Бездарности обязательно подавая жизнь, хотя еще Эпикур говорил, что глупец не будет знать, что дегать и с вечностью.

Конечно, завидно было думать, что продолжить наче бы только что чтыр года, а в наш век открытий, всеобщих бурных научных открытий, обяза-

тельно найдут и лекарство от меланобластомы. Но Вадим поставил для себя не мечтать о продлении жизни, не мечтать о выздоровлении — даже ночных минут не тратить на эти бесплодности, — а сжаться, работать и оставить людям после себя новый метод поиска руд.

Так, искупив свою раннюю смерть, он надеялся умереть успокоенным. Да и не испытывал он за двадцать шесть лет никакого другого ощущения более наполняющего, насыщающего и стройного, чем ощущение времени, проводимого с пользой. Именно так всего разумнее и было провести последние месяцы. И с этим рабочим порывом, держа несколько книг подмышками, Вадим вошел в палату.

Первый враг, которого он ждал в палате, было радио, громкоговоритель — и Вадим готов был бороться с ним всеми легальными средствами: сперва убеждением соседей, потом закорачиванием проводов, иголкой, а там и вырыванием роетки из стены. Обязательное громкоговещанье, почему-то зачтенное у нас по-сюдо как признак широты культуры, есть напротив, признак культурной отсталости. И поощрение умственной лени, — но Вадим почти никогда никого не успевал в этом убедить. Это постоянное бубнение, чередование не запрошенной тобою информации и не выбранной тобой музыки (еще и не к настроению), было воровство времени и энтропия духа, рассеяние духа — очень удобное для вялых людей, непереносимое для инициативных. Тот глупец, о котором говорил Эпикур, заполучив вечность, вероятно, не мог бы протянуть ее иначе, как только слушая радио.

Но со счастливым удивлением Вадим, войдя в палату, не обнаружил радио! Не было его и нигде на втором этаже. (Упущение это объяснялось тем, что с года на год предполагался переезд диспансера в другое, лучше оборудованное помещение, и уж там-то должна была быть сквозная радиолфикация).

Второй ожидаемый враг Вадима была темнота — раннее тушение света, по-

жертвовать приятным tête-à-tête с интеллигентной дамой.

В предвкушении его, он усердно чистил зубы «хлородонтом», замешкался и на свидание немного опоздал. Она встретила его кокетливым упреком:

— Я уж подумала, не забыли ли? Даже спужалась!

Приятель разинул рот, но овладев собой, поспешил с извинением отказаться от прогулки. На вопрос — почему — честно признался:

— Спужался!..

Все чаще стали навещать вельможные гости, вроде Артема Халатова (совершенно бессовестный псевдоним) или Шмидта.

Халатов был директором Госиздата, Зенита своей популярности этот ответственный и влиятельнейший коммунистический сановник достиг после того, как выяснилось, что в течение своей неутомимой политической деятельности он не числился в партии. Сей беспартийный партиец лет пять сряду морочил голову самому Сталину. Со страшным скандалом он был анфематствован и жестоко наказан.

Халатов никогда и нигде не снимал точно приклеившуюся к его цыганской шевелюре маленькую блинчатую кепку. Вокруг выпученных губ, во все стороны топорщились девственные дебри вороных волос, презиравших гребенку. Порывавшая кожанка поверх расстегнутой косоворотки навыпуск, до блеска замусоленные брюки, заправленные в голенища нечищенных сапог, составляли традиционный наряд этого советского «битника» на рахитичных ножках, превосходившего своей восторженной и легендарной нечистоплотностью даже Емельяна Ярославского.

Он приезжал на день-два, чтобы покутить в отдельном флигеле. Ревниво оберегаемый от любопытствующих взоров, Халатов появлялся в большом доме только в «мертвые часы», чтобы поиграть на бильярде. Перед тем, директор самолично загонял отдыхающих по комнатам, злобещим шопотом напутствуя их спать как можно крепче.

Страстный бильярдист, Халатов до самозабвения мечтал, хоть раз, выиграть у Маяковского, но это ему никак не удавалось. Маяковский, по собственному признанию, в жизни не сыграл ни одной партии «для души», он физически не был способен играть без «интереса».

Партийная этика у большевиков отличается оригинальной щепетильностью: в меру влиятельности, коммунист может позволить себе пьянствовать, развратничать, чуть не красть, но сыграть «на интерес» трусит. Халатов вечно торговался с Маяковским в выборе интереса, не противоречащего партийному запрету с одной стороны, а с другой — способного удовлетворить беспартийного Маяковского*).

В «Узком» эти два партнера уговорились, однажды так, что проигравший должен пролезть под бильярдом. Проиграл, как обычно, Халатов. Он попробовал отбодриться, но Маяковский припугнул его отказом играть впредь и Халатов полез под стол, оглашая княжеский дом неистовой бранью...

В противоположность Халатову, Шмидт отличался опрятностью и благообразием, а его длинная и красивая борода возбуждала даже желание иных дам ее потрогать. К этой женской слабости товарищ Шмидт относился более, чем снисходительно. Но не подумайте, что Шмидт привлекал дам только бородой: он был ладно скроен и крепко шит. Из всех видов физических упражнений, Шмидт всего больше любил ходить; десятикилометровые ежедневные прогулки были ему нипочем, даже без помощи дам.

В то время, О. Ю. Шмидт был начальником главного управления «Севморпути». Вскоре, под его непосредственным руководством, утонул «Челюскин», раздавленный льдами. Тогда погиб только один человек, да и то случайно, и большевики этот экспедиционный провал превратили в мировое достижение советской авиации, разрекламировав героизм летчиков, проявленный при спасательных операциях. Героизм отрицать нельзя, но все же, он был пропагандно преувеличен. Как бы то ни было, именно в честь этих летчиков бы-

ло установлено новое наградное звание «героя Советского Союза», ошеломившее даже тех, кто успел уже отупеть от писарского романтизма советских вождей и разучился чему-нибудь удивляться.

Шмидта наградили каким-то орденом, но он не потрафил чем-то в партии и его разжаловали в редакторы советской энциклопедии, в чем, кстати, проявилось его наибольшее везение. Крушение партийной карьеры спасло Шмидту жизнь: вскоре, при новом начальнике «Главсевморпути» — Бергавинове — под лед ушел целый караван судов с грузом и людьми, из которых не спасся никто. Об этой катастрофе в газетах не было ни строчки. Инициатором безграмотного опыта, на этот раз, был сам «корифей», поэту Бергавинова поспешили расстрелять безо всяких судебных проволочек.

В «Узком» Шмидт отдыхал тоже особняком, но почти каждый вечер появлялся в салоне, чтобы подышать атмосферой лыственного почитания, которым его немедленно обволакивали искатели высокопартийного благоволения. Особым усердием в этом отличался старый актер Малого театра Ленин. Тот самый, что в промежутке между февралем и октябрём широкообещающе объявлял через посредство какой-то «уважаемой редакции» о своей полной непричастности к политическому авантюристу Ленину, с которым ни в каком родстве никогда не состоял, которого не знал и знать не желал. Говорили, что после захвата власти, большевики актера схватили и ему угрожал расстрел, но что по счастью кто-то сумел замолвить словечко за него самому Ленину, а тот, на радостях, приказал своего однофамильца простить и выпустить, даже помянуть изволил. Тем не менее, все свое дальнейшее существование актер делил между службой и трогательными покаяниями. Он уцелел, но званий и орденов так и не получил.

По части пьяных кутежей, Шмидт уступал большинству своих кремлевских соратников, но считался непревзойденным мастером внебрачного деторождения. Он практически опроверг марксистский постулат о переходе количества в качество, потому что качеством своим шмидтовская продукция никого не удивила, зато количеством затмила самые триумфальные показатели социалистического животноводства...

В «Узком» я бывал не раз и знал, что отдых во многом зависит от соседа по комнате, которого обычно я сам и подбирал. Но в последний раз он явился стихийно в лице поэта Иосифа Уткина, успевшего прославиться «поэмой о рыжем Мотеле», в которой запомнился такой рефрен: «Нет, так нет, и он пришивал пуговицы на жилет». Я знал Уткина раньше. Мы не сошлись характерами и друг друга терпеть не могли. Теперь, когда я узнал о трагическом конце этого, совсем неплохого человека, к тому же богато одаренного, мне досадно, что я вздорил с ним за-за чепухи, но в то время ни его творчество, ни перспектива жить с ним в одной комнате не возбуждали во мне возвышенных переживаний и я попросил директора переселить куда угодно, хоть в курятник, лишь бы подальше от Уткина.

Директор оставил меня на месте и заверил, что новым соседом я останусь доволен.

— Кто ж это?

— Отец Бухарина.

У меня подкосились ноги.

— Да он помрет, не ровен час, у меня под боком!

— Вас переживет!

Я был не на шутку озадачен. Уж год, как закончился партийный разгром бухаринской оппозиции и о самом Бухарине никто ничего не знал. Его считали расстрелянным, в лучшем случае — посланным. В советском обиходе родителям «репрессированных» отдыхать не давали. С тем большим любопытством я ожидал знакомства с человеком, которого все называли не Бухарным, хоть он и имел на это бесспорное право, а «отцом Бухарина».

Я застал его в комнате пишущим письма.

При моем появлении, он легко поднялся и представился:

— Бухарин Иван Гаврилович, педагог. Сейчас работаю газетным корректором.

Совершенно голый череп и длинная снежная борода на строгом и умном лице — были единственным, что позволяло поверить в преклонный возраст этого воспитанника «старого мира», разрушением которого

занимался его сын. Живые глаза, подвижность небольшой сухопарой фигуры и манера прямо держаться сразу рассеяли первоначальные опасения. В дальнейшем, я от души благодарил директора.

В общении Иван Гаврилович оказался деликатнейшим человеком. Сначала, он терроризировал меня своей предупредительностью. Вставал он на рассвете и называл это «старческой замашкой», причем я просыпался не от шума, а от старания моего соседа одеться бесшумно. Потом я установил, что проснувшись, он продолжал лежать, чтобы не разбудить меня. Тут уж я решительно взбунтовался!

Мы подружились и перед сном неизменно, час-другой, беседовали на всякие отвлеченные темы, по большей части серьезные, но, по молчаливому уговору, далекие от политики. О себе Иван Гаврилович говорил мало, о сыне того меньше. Но как-то заметил:

— Материально я обеспечен, много ли мне сейчас нужно? Сыновья помогают, а только без работы я жить не умею, поэтому и служу. Теперь, вот, отпуск получил и собирался в Смоленскую губернию, в деревню, а младший сын сюда заставил ехать. Вы не знаете, случайно, Николая?

— Нет, я с ним не знаком, но мне многое рассказывали о нем.

— Ну, словом слышали...

— То есть, позвольте, Иван Гаврилович! Кто же не слышал о Николае Ивановиче? — обиделся я.

Старик виновато взглянул на меня и пробормотал:

— Да ведь откуда знать? Кто слышал, а кто не слышал...

В дальнейшем я узнал, что Николай Бухарин, оппозиционер и опаснейший враг «генеральной линии», побежденный и считавшийся чуть не уничтоженным, жил в это время под непосредственным наблюдением Сталина и ежедневно с ним обедал.

— Станные у них отношения! — задумчиво заключил Иван Гаврилович.

Я подумал — не странные, а страшные. Не трудно было понять, что под личиной приятельского благоговения к поверженному соратнику скрывался азартный расчет болезненно подозрительного деспота: не теряя из виду одного из самых умных своих врагов, завоевать личное доверие и до конца проникнуть в душу и мозг его. Может быть, спровоцировать откровенность и выведать то, что не удалось бы лубянским инквизиторам...

Как Сталин обхаживал Николая Бухарина, видно из дальнейших пояснений его отца:

— Путька сюда стоит дорого, мне не по средствам. Ее устроил Николай, через Сталина. А когда я при встрече Сталина поблагодарил, тот ответил: «Я тут не при чем, из своего кармана не платил, благодарю советское государство». И улыбнулся... Своей улыбкой...

Во всех разговорах, мой собеседник отличался сдержанностью и осторожностью, в чем, разумеется, исключения не составлял. Но чувствовалось, что к Сталину он относился с брезгливым страхом.

Насколько можно было понять, революционная карьера младшего сына не восхищала Ивана Гавриловича; сам он никогда ни в каких партиях не состоял, но, навекая эмигрировавшего за границу сына, встречался и разговаривал с Лениным еще до революции.

Я отважился спросить:

— А кого вы считаете более значительным, Сталина или Ленина?

Бухарин на меня испуганно взглянул и сказал «не знаю». Я замолк, а Иван Гаврилович, посмотрев на меня снова, все-таки добавил:

— Ленин тоже был... властный был, возражений не переносил. И тоже умел устранять несогласных. Только делал это ловче, не так откровенно...

За месяц я искренно привязался к Ивану Гавриловичу, умному, воспитанному, едва ли не самому старому из тех немногих представителей когда-то широкого слоя образованных русских людей, что, по недосмотру коммунистов, находили некоторое время в «Узком» кратковременную возможность отрешиться от злобещей советской повседневности.

Иван Гаврилович остался последним, кто до сих пор согревает во мне воспоминание об этом чудесном островке спасения, в конце концов затопленном всепоглощающим разливом победившей пошлости.

(«Возрождение» № 205). А. Макриди

зднее зажигание, далекие окна. Но великодушный Демка уступил ему место у окна, и Вадим с первого же дня приспособился ложиться со всеми, рано, по расвету просыпаться и начинать занятия — лучшие и самые тихие часы.

Третий обильный враг была слишком обильная болтовня в палате. И оказалось не без нее. Но в общем Вадиму состав палаты понравился, с точки зрения тишины в первую очередь.

Самым симпатичным ему показался Егенбердиев: он почти всегда молчал и всем улыбался улыбкой богатыря — раздвигая толстых губ и толстых щек.

И Мурсалимов с Ахмаджаном были неназойливые, приятные люди. Когда они говорили по-узбекски, они совсем не мешали Вадиму, да и говорили они рассудительно, спокойно. Мурсалимов выглядел мудрым стариком, Вадим встречал таких в горах. Один только раз он что-то разошелся с Ахмаджаном довольно сердито. Вадим попросил перевести — о чем. Оказывается, Мурсалимов сердился на новые придумки с именами, соединение нескольких слов в одно имя. Он утверждал, что существует только сорок истинных имен, поставленных пророком, все другие имена неправильные.

Не вредный парень был и Ахмаджан. Если его попросить тише, он всегда становился тише. Как-то Вадим рассказал ему о жизни эвенков и поразил его воображение. Два дня Ахмаджан обдумывал совершенно непредставимую жизнь, и задавал Вадиму внезапные вопросы:

— Скажи, а какое ж у этих эвенков обмундирование?

Вадим скоро отвечал, на несколько часов Ахмаджан погрузился в размышление. Но снова прихрамывал и спрашивал:

— А распорядок дня у них какой, у эвенков?

И еще на другой день утром:

— Скажи, а какая перед ними задача поставлена?

Не принимал он объяснения, что эвенки «просто так живут».

Приятный, вежливый был и Сибгатов, часто приходивший к Ахмаджану играть в шашки. Ясно было, что он необразован, но почему-то понимал, что громко разговаривать неприлично и не надо. И когда с Ахмаджаном они начинали спорить, то и тут он говорил как-то успокоительно:

— Да разве здесь настоящий виноград? Разве здесь дыни настоящие?

— А где же еще настоящие? — горячился Ахмаджан.

— В Крыму-у, где-е... Вот бы ты посмотрел...

И Демка был хороший мальчик, Вадим угадывал в нем не пустовзона. Демка думал, занимался, все хотел осмыслить. Правда, на лице его не было светлой печати таланта, он как-то хмуровато выглядел, когда воспринимал неожиданную мысль. Ему тяжело достанется путь учебы и умственных занятий, но из таких медлительных иногда вырабатываются и крепыши.

Не раздражал Вадима и Русанов. Это был всю жизнь честный работяга, звезд с неба не хватал. Суждения его были в основном правильные, только не умел он их гибко выразить, а выражал затверженно.

Костоготов вначале не понравился Вадиму, выглядел слишком грубым крикуном. Но оказалось, что это — внешнее, что он не заносчив, и даже подельчив, а только несчастно сложилась жизнь, и это его раздражало. Он, видимо, и сам был виноват в своих неудачах из-за трудноватого характера. Его болезнь шла на поправку, и он еще всю жизнь мог бы свою поправить, если бы был более собран и знал бы, чего он хочет. Ему в первую очередь не хватало именно собранности, и это выражалось в том, что он разбрасывался временем, метался — то шел бродить бессмысленно по двору, то курить, то хватался читать, бросал и очень уж вязался за юбками. Не нужно было большой наблюдательности, чтоб заметить, что у него и с Зоей что-то и что-то с Гангарт.

(Продолжение следует)

советские оперы

(КРС) В статье композитора Д. Толстого — "Что может быть приятнее многолюдства", разбирается вопрос — почему за 50 лет советской власти советские оперы считаются, как у зрителей, так и у театральных деятелей, операми второсортными ("Советская музыка" № 9). И неудача новых советских опер сделала то, что и авторы и театры потеряли к ним доверие. Д. Толстой рассказывает, что публика в подавляющем большинстве после десяти представлений перестает посещать новую оперу.

К числу "непривлекательных черт" новой советской оперы автор статьи относит отсутствие в них оригинальности: все они похожи, одна на другую. Но кроме этого он находит, что

"в наших сочинениях до сих пор не было той подлинной художественной правды, которая так пленяет людей в творениях великих мастеров прошлого и заставляет испытывать катарсис сопереживания".

Д. Толстой видит корень зла в оперном деле в той незаконченности, вызванной поспешностью, которая так характерна для новых произведений. Слушатели-зрители долго воспринимали советскую оперу именно, как некий эксперимент, пробу не доведенную еще до желанного конца. В статье читаем:

"Шел год за годом, бесконечный "эксперимент" по созданию настоящей советской оперы. Однако зрительный зал постепенно уставал от "эксперимента"; ему, видимо, казалось, что пришло уже время опыту увенчаться успехом. Но успехов не было, и слушатели начали понемногу отворачиваться от оперного творчества советских композиторов..."

Д. Толстой старается разобраться — кто виноват, что этот жанр искусства не достигает необходимой качественности. Он находит, что каждое музыкально-театральное творчество складывается из нескольких компонентов: композитора, драматурга, исполнителя и слушателя-зрителя. Но это не все. Выход произведения на сцену зависит еще и от "могущественного производителя работ" то

есть директора театра. Из своей личной практики автор статьи приводит такой факт:

"Не так давно Донецкий оперный театр, запутавшись в своих репертуарных делах и торопясь во что бы то ни стало выполнить план к концу года, скрыл от меня премьеру одного из моих сочинений, не без основания опасаясь, что я не разрешу в спешке кромсать музыку".

В театральной сфере, как видно из вышеизложенного, также довлеет план. И нигде он так не вредоносен, как именно в области искусства. Отсюда и незрелость многих произведений. Д. Толстой говорит:

"Нельзя обойти молчанием практику соответствующих отделов местных министерств культуры, почти повсюду проявляющих административный, бюрократический подход к этому важнейшему государственному делу. Создается впечатление, что норма новых оперных постановок приравнивается иными "начальниками" к выполнению плана заготовки овощей или бочек с сельдями".

Таково положение в большинстве театров. Автор указывает и на счастливые исключения, как то: Пермский театр и Челябинский театр. Иное положение и у столичных театров в особенности у ГАБТа. "Устав и порядок его вообще сильно отличаются, — говорит Д. Толстой, — от других театральных коллективов, и работа Большого театра над советским репертуаром — тема особая".

И это понятно. Государственный академический Большой театр оперы и балета — это вывеска, это реклама необходимая не только для нужд внутри страны, но и для репрезентации во вне.

Следует отметить, что по сведениям, почерпнутым нами из ТАСС, советские композиторы обратились к новому жанру, а именно к фантастической опере. Дмитрий Шостакович в беседе с журналистами сказал, что его радует успешное развитие нового жанра, которое свидетельствует о том, что опера вовсе не является отмирающей областью, как об этом опрометчиво говорят на Западе.

Первым обратился к новому жанру

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Doctora

А. В. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ

Endodoncia — лечение корней зубов, технические работы, рентгеновские снимки, бор-машина ultra-sonico.

Прием по предварительной записи. Понед., вторник, четверг и пятница от 15 до 20 час.

T. E. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A. Один квартал от подземной жел. дор. Río de Janeiro по улице Corrientes.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso

Editor-Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
MONROE 4219, Dep. 10
BUENOS AIRES (30)
T. E. 52-7426

NICOLAS FEWR

EL SOL SALE EN OCCIDENTE

(Continuación)

Y este aspecto es el de un fornido carnicero vestido con un delantal de cuero, con vestigios de sangre mal lavada y con un enorme cuchillo inhábilmente escondido bajo el delantal. Sin embargo, el cuchillo sólo queda escondido púdicamente durante los primeros días. Luego aparece abiertamente, con el siniestro brillo del acero bien afilado. Y es entonces cuando empieza a partir la tira de carne tendida delante de él, que hasta ayer era un país libre, un pueblo feliz.

(Continuará)

Вышла из печати книга на хорватском языке

ИЗВЕСТНОГО ХОРВАТСКОГО ХУДОЖНИКА,
ПРОФЕССОРА ЖАРКО ШИМАТ

"ИВАН МЕШТРОВИЧ"

(Известный и повсеместно признанный скульптор)

Книга содержит более 100 стр. и свыше 30 иллюстраций.

Цена — 900 арг. песо. С пересылкой — 1.100 арг. песо.

Желающие приобрести эту замечательную книгу сообразовываясь вырезать, заполнить и отправить по указанному адресу находящийся в этом объявлении купон.

Имя..... Фамилия..... Точный адрес: ул.....

Город..... Страна..... При сем прилагаю чек №.....

на имя и адрес: PUBLICIDAD MIKAN — Romero 1621, SAN MIGUEL,

FNCSM, Prov. Bs. Aires, Argentina, чек на сумму..... за..... книг

ОРТОПЕДИЧЕСКИЙ МАГАЗИН

ORTOPEDIA ALEMANA

Протезы, мужская и женская ортопедическая обувь, корсеты, резиновые бинты и т. д. из лучшего заграничного и местного материала. Исполнение заказов быстрое и точное. Говорят по-русски. Предъявителям этого объявления и русским инвалидам особая скидка.

CALLE LIBERTAD 845 — CAPITAL — T. E. 44 - 3213

Находится в печати и в конце сентября сего года выйдет книга

СЕРГЕЯ ШПАКОВСКОГО

"ЖЕНЩИНА-ВОИН"

Эта книга содержит ряд очерков о героинях женщин всех эпох и всех народов.

Цена: 4 американских доллара; в Аргентине — 1200 песо.

Н. Н. ОРЛОВ
"ВОЖДИ"

Роман из жизни эмиграции в Югославии, Чехословакии и Франции. Два тома. 815 стр. большого формата. Со многими иллюстрациями. Цена 8 долл. В странах Южн. Америки — 6.50.

Из отзывов: "Книга "ВОЖДИ" является не только романом из жизни Белой эмиграции в Праге, Югославии и Париже, но также затрагивает проблемы, которые в нашу страшную эпоху атомных бомб имеют общечеловеческое значение. Глубокий смысл и ценность книги лежат в плане разрешения этих проблем путем, по которому до сих пор отказывалось идти человечество, — путем, указанным Христом. Со страстной убедительностью автор показывает, что все иные пути завели измученное человечество не только в тупик отчаяния и духовной смерти, но и поставили его под угрозу неизбежной катастрофы. Недаром автор говорит: "нельзя разрешить ни одного вопроса, не разрешив предварительно религиозного вопроса". Многие страницы, посвященные религиозной проблеме, не только убедительны, но и захватывают, увлекают читателя сознательной и глубокой верой в религиозный смысл жизни". ("Русская Жизнь").

В романе дается глубокий анализ противоречий религиозных идей Ветхого и Нового Заветов и основных причин так наз. "еврейского вопроса".

В США книги продаются:

RUSSIAN BOOKSTORE "RUSS"

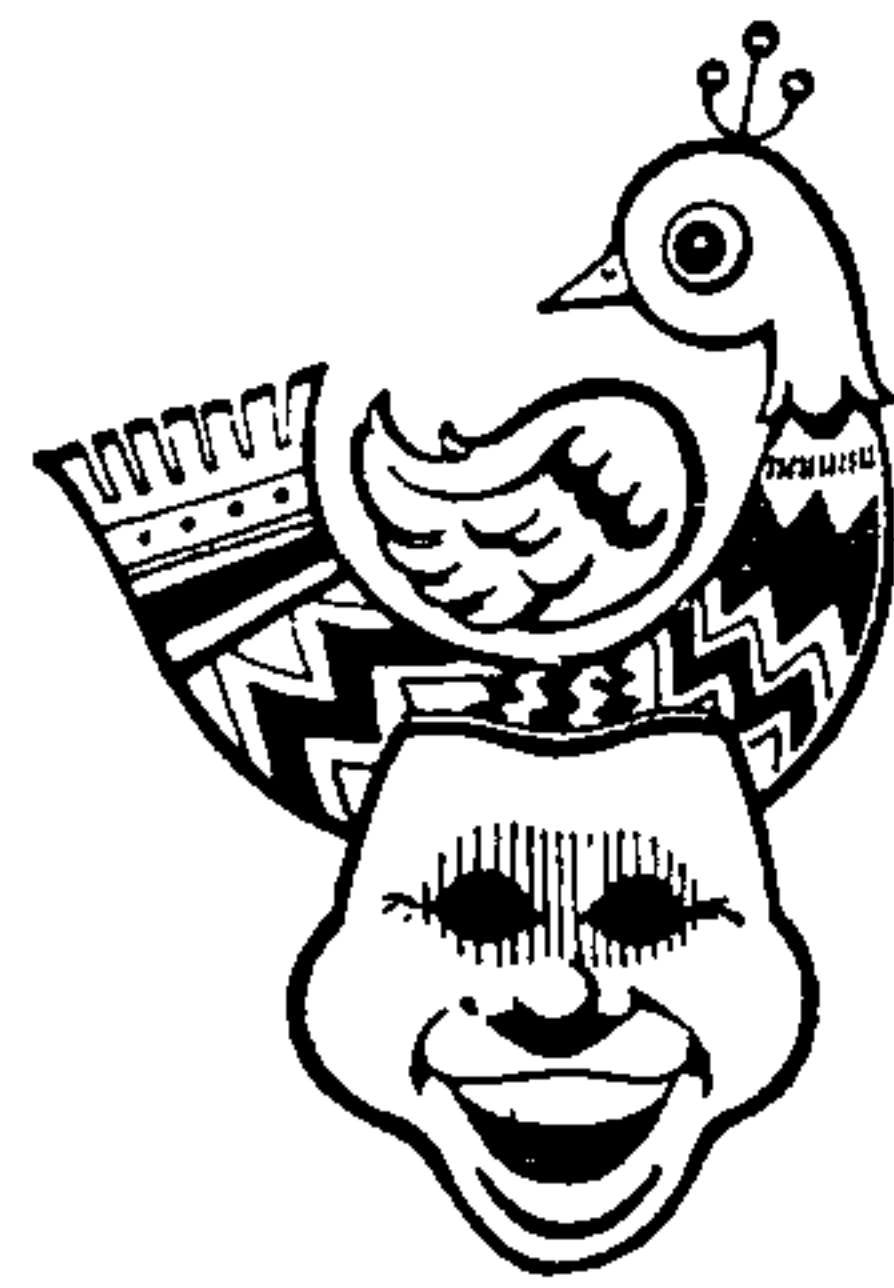
443 Balboa St., San Francisco 94118, Calif.

"IZBOUSHKA"

1032 North Western Ave., Los Angeles 29, Calif.

Можно выписывать также через ред. "Нашей Страны" и "Книга-Почтой".

РТДД

1969

РУССКИЙ ТЕАТР ДЛЯ ДЕТЕЙ доводит до сведения своих друзей, что спектакли РТДД в 1969 году будут идти исключительно в театральном зале ОРЮР — улица Буэнос Айрес 2655, Оливос. Вместительность зала 86 сидячих мест, поэтому желающие посетить спектакли, благоволят заказать заранее билеты по телефону 44-6021 у г-на А. В. Баумгартена или г-на И. Н. Шмитова и вечером по телефону 32-0473 у г-на Баумгартена. Места нумерованные. Стоимость билета 200 песо. Даты спектаклей:

МЫШЬЯК

Криминальная комедия в трех актах. Режиссер Г. Л. Лукин. В воскресенье 26 октября в 16 часов 30 минут. В субботу 1 ноября в 20 часов.

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

Сказка для детей Аксакова, будет поставлена на Акте Русской Субботней Школы ОРЮР. Режиссер: Г. Л. Лукин. В субботу 6 декабря в 17.30 час. Вход для детей бесплатный, взрослые — добровольное пожертвование в пользу РСШ. Второй спектакль в воскресенье 7 декабря в 17 часов. Вход: дети — 100 песо, взрослые — 250 песо.